

долину Чу незамеченными и войти в узкое ущелье в течение дня. Так это и было сделано. Пока мы спускались в долину Чу, снег падал хлопьями, но под конец он уже превратился в дождь, а по спуске нашем в долину и совсем прекратился.

Река Чу там, где мы на неё вышли, протекала по просторной долине, имевшей вёрст шесть ширины, и течение ее сопровождалось древесной растительностью, состоявшей из высоких тополей (*Populus euphratica*).

Мы пересекли широкую долину, простиравшуюся от востока к западу диагонально в направлении к ю.-ю.-в. и вошли, никем не замеченные, в дикое Буамское ущелье, из которого река вырывается в свою широкую долину близ порфировой сопки Боролдай. Когда мы вошли в ущелье, оно скоро так сузилось, что по правому берегу Чу, на котором мы находились, далее следовать было невозможно, потому что каменные утёсы громадной высоты падали в реку совершенно отвесно. Мы все вынуждены были перейти вброд бурное течение реки на левый её берег, по которому и продолжали свой путь, но затем такое же препятствие заставило нас перейти опять на правый берег.

День склонялся уже в вечеру, небо закрылось мрачными тучами, и вскоре наступила тёмная ночь. Только по временам показывалась между облаками полная луна, несколько освещая наш путь. Движение наше вперёд было до крайности затруднено тем, что наша тропинка не могла следовать непрерывно по самому берегу реки, так как местами береговые утёсы падали в неё совершенно вертикально, и приходилось подниматься на боковые стены этого каменного коридора, характеризуемого названием Буам (у алтайцев Бом), по опасным тропинкам, обходящим сверху отвесные обрывы. Конечно, мы должны были совершать эти обходы пешком, ведя в поводу своих лошадей, развьючивая вьючных и перенося их вьюки на руках. Кое-где вместо этих обходов мы шли, где было возможно, в брод у подошвы обрыва, против бурного течения реки через скалы, наполняющие её ложе, с ежеминутной опасностью для каждого из нас быть снесённым её бешеными волнами.

Таким образом мы с невероятным трудом шли до трёх часов утра и наконец добрались до тесной котловины, в которой и решили остаться до рассвета. Место это находилось на самом берегу реки между двумя высокими «бомами», на вершинах которых я выставил с обеих сторон охранные пикеты. Предосторожность эта была необходима, потому что если бы перебирающиеся по вершинам горных утёсов каракиргизы заметили наш бивак внизу ущелья, то они легко могли бы истребить весь наш отряд, засыпая его сверху громадными камнями и скалами, нависшими над ним и легко сталкиваемыми сверху вниз. Сторожевые казаки должны были в случае предстоявшей опасности поднять тревогу, предупредив нас ружейными выстрелами. Я напрасно старался уснуть в своей палатке под шум водопадов, образуемых рекой Чу. Ночь, проведённая мной в Буамском ущелье, была едва ли не самой тревожной в моей жизни. На мне лежала ответственность за жизнь почти сотни людей и за успех всего предприятия.